

ВОЕННАЯ СЛУЖБА В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XX в.

В.Н. Суряев

*Научно-исследовательский институт Вооруженных Сил Республики Беларусь,
Минск,
sverbihin7@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена отношению населения к армейской службе в последние годы существования Российской империи. Отмечается, что под влиянием социальных и политических процессов, протекавших в стране, менталитет народа и морально-психологическая обстановка в обществе претерпевали изменения. Указываются факторы, способствовавшие росту нигилистических настроений и осложнению внутренней обстановки в стране. Показывается, что у большинства граждан постепенно формировалось отрицательное отношение к армии как социальному институту государства. Рассматривается влияние общественных настроений на отношение призывников к службе, выполнение солдатами своих обязанностей, увеличение числа нарушений воинской дисциплины, отмечаются основные мотивы правонарушений в войсках. Анализируются причины снижения престижности профессии офицера и нехватки офицерского состава в войсках в мирное время. Отмечается, что в образованных слоях общества сложилось негативное отношение не только к офицерской службе, но и собственно к офицерам. Во многом данное обстоятельство обуславливалось тем, что армия выполняла не только внешние, но и внутренние функции, являясь наиболее мощной опорой существовавшего государственного строя. Тем не менее кадровое офицерство как особая социально-профессиональная общность в условиях внутривнутриполитических катаклизмов в стране придерживалось иных взглядов, нежели политически активные слои населения.

Ключевые слова: общество, армия, политическая ситуация, духовно-нравственная атмосфера, военная служба, офицеры, солдаты

Введение

Частью системного кризиса, начавшегося в России на рубеже XIX–XX столетий, являлось нарастание неоднозначных тенденций в общественно-политической и духовно-нравственной сферах жизни общества. Под влиянием преобразований, происходивших в стране в пореформенный период, мировосприятие россиян стало меняться. Если ранее в его основе лежала, в основном, традиционная система

Суряев Валерий Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИИ ВС Республики Беларусь, докторант ИРИ РАН.

ценностей, то постепенно широкое распространение получили идеологические конструкции, особенностью которых являлся нигилизм в отношении государства и его институтов. Подобная ситуация непосредственным образом сказывалась на отношении граждан к службе в вооруженных силах.

Внутреннее положение как фактор формирования негативного отношения к военной службе

В общем виде внутривнутриполитическая ситуация в стране характеризовалась следующими обстоятельствами. Буржуазные круги и либеральные силы целенаправленно боролись за реформирование политической системы, стремясь к установлению конституционно-парламентского государственного строя. Для этого применялись самые разные способы, в том числе деструктивные, как, например, опосредованная поддержка радикальных организаций и партий, использовавших терроризм как средство политической борьбы.

Крестьянство активно выражало неудовлетворенность условиями своей жизни. Так, в 1900–1904 гг. было зарегистрировано 670 крестьянских волнений, охвативших большинство губерний европейской части России. В 1905–1907 гг. массовый характер приобрели поджоги, погромы и грабежи дворянских усадеб, резко возросло число уголовных дел, связанных с сопротивлением властям. В сельской местности, где проживало около 80% населения страны, увеличилось употребление спиртного, «резко пошла вверх кривая деревенской преступности, прежде всего за счет имущественных преступлений и преступлений против личности»¹.

Постоянным явлением стали выступления рабочих, недовольных низким жизненным уровнем и условиями труда. Количество бастующих достигало нескольких сотен тысяч человек в год, в некоторых забастовках одновременно участвовали десятки тысяч пролетариев. При этом значительная часть не только непромышленных, но даже фабрично-заводских рабочих оставалась связанной с деревней².

Негативное воздействие на духовно-нравственное состояние большинства граждан стал оказывать религиозный индифферентизм и сопутствовавшее ему снижение роли религии. Что касается интеллигенции, игравшей в жизни общества особую роль, то на ее умонастроение серьезно влияло декадентство. В современных исследованиях по богословско-исторической проблематике констатируется, что с 1890-х годов в российском обществе «... формировался безрелигиозный взгляд на мир вообще и на искусство в частности <...> Результатом влияния деструктивных духовно-нравственных тенденций в литературе и искусстве явились рост безверия и порожденные им пессимизм, настроения отчаянья, разочарования в жизни...»³.

Подобная жизненная позиция нередко формировалась уже в учебных заведениях. Современники отмечали, что в гимназической и особенно студенческой среде была категория лиц, для которых те или иные политические пристрастия, не совпадавшие с официальной идеологией, становились своего рода религией. Такие

¹ Безгин 2004, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php

² Кирьянов 1997, 56.

³ Алексеев 2008, 19.

учащиеся подчиняли своему влиянию большинство сокурсников; тех, кто пытался отстаивать свою точку зрения, бойкотировали. К людям старших поколений, не разделявшим политические предпочтения молодежи, относились неуважительно. Следует отметить, что распространению таких взглядов способствовало снижение роли семьи в воспитании молодого поколения. Например, при опросах московских студентов тех лет более половины из них отрицали какое-либо влияние семьи на формирование своих этических идеалов и мировоззрения. Три четверти опрошенных студентов указали, что семья совершенно не руководила их чтением, а большинство, признавших такое руководство, отметили его только в детском возрасте⁴.

Личное обогащение и карьера в сравнении с духовными ценностями приобрели довлеющее значение. Соответственно, такие понятия, как служение Отечеству, долг, честь в общественном сознании стали терять прежнюю значимость. Не претендуя на полную характеристику нравственно-этической атмосферы того времени, приведем лишь некоторые оценки современников. Участник русско-японской войны, видный военный публицист генерал-майор Е.А. Мартынов отмечал: «Наш век есть время самого грубого материализма, откровенного преклонения перед золотым тельцом. Положение в широких общественных кругах дают почти исключительно деньги, причем никто не интересуется способом их приобретения. Добыты ли они воровством при постройке железных дорог, грязными адвокатскими делами или темными коммерческими спекуляциями – это безразлично, лишь бы деньги были»⁵.

Предприниматель и крупный финансист Н.Е. Врангель характеризовал начало века как эпоху, когда «... каждый был поглощен своими личными интересами, интересовался исключительно одним своим “я”. Людей уже ценили не за их качества, а поскольку они могли быть полезны. Урвать кусок тем или иным способом, сделать карьеру – все только руководились этим»⁶.

Одним из проявлений духовно-нравственного кризиса общества стало изменение отношения к военной службе. Так произошло не только в образованных слоях общества, но и в бывших податных сословиях, откуда призывалась основная масса солдат (в 1910 г. 61,2 % нижних чинов происходили из крестьян, 17,6 % – из ремесленников и мастеровых, 8,9 % – из чернорабочих, 3,43 % – из фабрично-заводских рабочих)⁷.

Выросшие в период широко распространенных нигилистических настроений, по большей части неграмотные или малограмотные призывники не могли осознавать нравственных начал, одухотворявших воинское служение Отечеству. Один из военных журналистов тех лет так характеризовал «среднего» призывника: «Взятый чуть не от сохи, мало видевший перед службой, в огромном большинстве ничего не читавший...»⁸. По мнению другого современника, общая необразованность не позволяла нижним чинам проникнуться духовными основами

⁴ Изгоев 1909–1910, 187, 191, 198.

⁵ Мартынов 1906, 48–49.

⁶ Врангель 2006, 161.

⁷ Мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба 1911, 278–279.

⁸ Вестник русской конницы 1906, 336.

воинской культуры, поэтому «... в народную массу, в солдатскую толщу эти понятия достаточно глубоко не проникали»⁹.

Представляется, что подобные характеристики соответствовали действительности. Процент грамотных среди призывников составлял в 1904 г. 55 %, в 1906 – 58 %, в 1910 – 64%¹⁰. При этом большинство новобранцев, отнесенных к категории грамотных, «... могли читать только по-печатному, с превеликой медленностью и “пальчиком водят”, а когда пускались писать, то выводили чудовищные загогулины»¹¹.

Воспитательной работы, направленной на формирование у солдат необходимых нравственных качеств и психологической готовности к воинской службе, в то время не проводилось: в высших военно-политических кругах доминировало мнение, что солдат и без того обязан выполнять требования уставов и приказы командиров и начальников. Таких же взглядов придерживалась и часть офицерства. Об этом свидетельствует, например, статья, опубликованная в военном журнале «Разведчик», популярном в офицерских кругах. Автор выражал удивление, почему ведутся дискуссии о необходимости понимания солдатами нравственного аспекта военной службы, в том числе «разумного сознания целей войны». По его мнению, раньше такого не было, но армия была сильной и боеспособной. «... Разве понимали солдаты высокую цель борьбы за независимость болгар? Они никогда и не слышали про этих болгар <...> и тем не менее воевали <...> не жалея себя, добивались победы. Воевали потому, что так приказал царь, а он знает, что нужно России и чего не нужно»¹².

Между тем наступила иная историческая эпоха, люди во многом стали другими. Традиция русского народа, обязывавшая честно нести «цареву службу», уходила в прошлое. Стихийный монархизм, издревле присущий крестьянству, под влиянием социально-политических изменений в стране, ломки привычного уклада жизни и прогрессирующего малоземелья стал ослабевать. «Нарастающий аграрный голод <...> и невнятная политика властей привели к тому, что образ Николая II в глазах крестьян стал противоречить их представлению об идеальном монархе, способном привести порядки на земле в соответствие с Божественной правдой»¹³.

Увеличивалось число воинских преступлений и нарушений, совершавшихся нижними чинами, в то время как авторитет власти начальников и командиров снижался. Особенно заметным был рост нарушений в периоды обострения внутриполитической ситуации в стране. Так, если в 1898–1902 гг. количество случаев «нарушения воинского чинопочитания и подчиненности» ежегодно составляло в среднем чуть более 2 тысяч¹⁴, то в 1905 г. таких случаев было 4856, в 1906 – 12778, в 1907–1907. После окончания революции 1905–1907 гг. количество нарушений уменьшилось, но по-прежнему в несколько раз превышало дореволюционные показатели: в 1909 г. зафиксировано 6453 случая нарушения порядка подчиненно-

⁹ Деникин 1921, 8.

¹⁰ Варяжский 1913, 386.

¹¹ Макаров 1951, 46.

¹² Березовский 1905, 806.

¹³ Безгин 2004, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/02.php

¹⁴ Военное министерство 1904, 80.

сти, в 1910 – 5904¹⁵. В больших количествах совершались другие правонарушения: нарушение обязанностей службы в карауле и во время дежурства, утрата и порча казенного имущества.

По мнению современника, это не было случайно: «... явление упадка дисциплины представляется отнюдь не только что народившимся и временным. Оно зародилось давно, как результат перемены народной психики, реально начавшей выясняться лет 10 тому назад»¹⁶.

Основная масса правонарушений не носила политического характера и совершалась по различным бытовым причинам, в нетрезвом состоянии, из хулиганских побуждений и т.д. Так было даже в частях, где во время революции 1905–1907 гг. произошли вооруженные выступления: «В большинстве мятежных частей, несмотря на старания партийных агитаторов, движение имело сумбурный характер, и также сумбурны были предъявляемые ими требования»¹⁷.

В то же время сложная социально-политическая обстановка в стране, а также агитация революционных партий подрывали морально-психологический потенциал войск. Конечно, и в те смутные времена было немало нижних чинов, оставшихся верными присяге и честно выполнявших воинский долг. Однако негативные тенденции постепенно усиливались, что отчетливо проявилось в 1917 г., когда разложение армии приобрело невиданные в истории масштабы.

Не менее драматично складывалась ситуация с отношением общества к офицерской службе. Долгое время она считалась наиболее почетной, не случайно практически все мужчины – члены Российского Императорского Дома Романовых, в том числе государи, вплоть до Февральской революции находились на военной службе и постоянно носили военную форму. Еще в первой половине XIX века «... не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным <...> и почти все помещики <...> некоторое время служили офицерами “из чести”»¹⁸.

Однако со второй половины XIX столетия ситуация стала меняться. Падение престижа офицерской службы среди дворянской молодежи отмечалось уже в 1880-е годы публицистом С.Н. Терпигоревым, который указывал, что еще недавно положение было иным: «... не только деды, но и отцы и дяди наши – все сплошь почти были армейские и гвардейские отставные поручики и штабс-ротмистры»¹⁹.

Меркантильные взгляды побуждали молодежь отдавать предпочтение гражданским профессиям. Таким путем можно было достичь большего материального достатка, чем службой в армии, притом, что опасность и напряженность военной службы были неизмеримо большими, нежели в любом другом виде деятельности. В этой связи военный публицист В. Райковский отмечал, что мальчиков в семьях воспитывали в духе наживы, нацеливали исключительно на достижение материального благополучия, для чего предлагали им стать инженерами, докторами, юристами, чиновниками, но только не военными²⁰. «При таком мировоззрении

¹⁵ Военное министерство 1912, 61.

¹⁶ Разведчик 1905, 817.

¹⁷ Деникин 1991, 181.

¹⁸ Волков 1993, 30.

¹⁹ Волков 2002, 169.

²⁰ Райковский 1908, 5.

военная служба с ее скудным материальным вознаграждением, с ее странными для современных дельцов идеалами патриотизма и самоотвержения представляется каким-то донкихотством»²¹, – писал современник. Действительно, постоянные оклады содержания военнослужащих были скромными и уступали заработкам представителей многих обычных мирных профессий²².

Свою роль в падении престижности офицерской службы сыграло также изменение социального статуса дворянства, происшедшее в результате реформ 60–70-х гг. XIX в. Соответственно, уменьшалось число представителей недворянских сословий, стремившихся стать дворянином путем выслуги офицерских чинов.

Одним из важных факторов, влиявших на отношение общества к военной службе, являлась пропаганда, направленная на дискредитацию армии в целом, и ее ключевого звена – офицерского состава – в первую очередь. В этих целях противники самодержавия, как из либерального, так и революционного лагеря использовали печатные издания – единственное в то время средство массовой информации. В этой связи военный журнал «Разведчик» трактовал ситуацию следующим образом: «... армия является <...> самой могучей опорой существующего строя, и за это ее ненавидят все враги последнего»²³.

Военный публицист, оценивая ситуацию применительно к русско-японской войне, писал, что оппоненты власти смотрели на войну, как на время, удобное для достижения своей цели. «Эта цель состояла в том, чтобы сломить существующий режим», но так как легче это сделать в случае неудачной войны, то «... наши радикалы не только желали поражений, но и старались их вызвать. Поражениям армии открыто радовались <...> Вся радикальная пресса была полна нападками на армию и офицеров»²⁴.

Снижению авторитета офицерской службы способствовало также использование армии в борьбе с революционными выступлениями и массовыми беспорядками. В этом контексте значительная часть прессы вела кампанию, в которой армия упрекалась в бессилии против внешних врагов, войне со своим народом, поддержке «антинародного правительственного режима» и т.п. Между тем офицерство в громадном большинстве своем воспринимало происходившее, как посягательство на фундаментальные основы бытия России. По мнению кадровых офицеров, разрушение традиционного государственного устройства грозило стране непредсказуемыми последствиями. «На совесть наших военных ляжет слишком тяжелый груз, если они не постараются сохранить за армией значение опоры государства...», – писал современник²⁵. Иными словами, взгляды офицерства и значительной части общества во многом различались.

Через некоторое время после окончания войны 1904–1905 гг. один из военных журналов в передовой статье констатировал: «... русское общество, в массе и до войны сочувственно не относившееся к армии, теперь совершенно отшатнулось

²¹ Мартынов 1906, 49.

²² Суряев 2014, 53.

²³ Мартынов 1903, 973.

²⁴ Вишняков 1911, 66.

²⁵ Вестник русской конницы 1906, 337.

от нее <...> Что же касается офицерства, то <...> положению его вряд ли кто позавидует...»²⁶.

Подобная атмосфера не могла не сказаться на моральном состоянии военнослужащих. «При таких ужасных условиях у офицера неминуемо должно было возникнуть чувство нравственной отчужденности от своих сограждан, известный разлад с ними. И он налицо...»²⁷, – указывал современник. Отношение к военной службе переносилось на самих военнослужащих, прежде всего, на командный состав. «Я, как и все поколение 900-х годов, был воспитан если не в прямом презрении, то в холодном пренебрежении к офицерству...»²⁸, – вспоминал один из очевидцев событий тех лет, оказавшийся после гражданской войны в эмиграции.

Падение престижности военной службы способствовало нехватке офицерских кадров. «С течением времени комплектование офицерского корпуса все более затрудняется», – докладывал Николаю II в 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин²⁹. Гражданская молодежь шла в военные и юнкерские училища неохотно, более того, поступать в них отказывалась даже часть выпускников кадетских корпусов. В конце XIX в. таких выпускников, выбравших гражданскую карьеру, было 6–10 %, к 1914 году – 18–20 %³⁰.

В целом же, ситуация была такой, что в стране с населением более 170 млн. человек не находилось достаточного числа лиц с полным средним образованием, чтобы укомплектовать пехотные и кавалерийские военно-учебные заведения (в специальных училищах такой проблемы не было). Между тем, общее число обучавшихся в них юнкеров было невелико и составляло, например, к началу 1912 г. всего 5837 человек. Нехватка существовала, несмотря на то, что лица, имевшие аттестат или свидетельство о среднем образовании во многие училища принимались без экзамена. В том же 1912 г. таким путем в пехотные и кавалерийские училища были зачислены 1715 человек «со стороны», то есть, гражданских. После сдачи вступительного экзамена было принято только 452 человека (из вольноопределяющихся, служивших в войсках)³¹. Остальные вакансии в училищах заполнялись выпускниками кадетских корпусов.

Число лиц, окончивших военные и юнкерские училища, не могло покрыть некомплект офицерских кадров даже в мирное время: в течение 1900–1908 гг. средняя убыль офицеров во всех родах сухопутных войск составляла 2240 человек в год, а выпуск из училищ – 2190 человек³².

Соответственно, даже в мирное время существовала нехватка офицерских кадров. Так, к 1 января 1907 г. в регулярных войсках не хватало 2325 офицеров (из 45135 по штату), к 1 января 1908 г. – 3955 (из 45098 по штату)³³.

За десять месяцев 1910 г. некомплект офицеров по всей армии ежемесячно составлял в среднем 2700 человек³⁴. По родам войск к 1 апреля 1912 г. некомплект

²⁶ Измествьев (ред.) 1908, 19.

²⁷ Галкин 1907, 29.

²⁸ Волков 2002, 176.

²⁹ Зайончковский 1981, 21.

³⁰ Морозов 1998, 84.

³¹ Военное министерство 1916, 3, 4.

³² Грулев 1911, 30.

³³ Военное министерство 1909, 116–117.

³⁴ Мобилизационный отдел главного управления Генерального штаба 1911, 58–59.

офицеров составлял в пехоте – 2035 человек, в артиллерии – 282, в инженерных войсках – 107. По всей армии нехватка офицеров составила в 1912 г. 3,16 % от штатного состава³⁵.

Снижение престижа военной службы сказалось, в числе прочего, даже на количестве офицеров, поступавших в академию Генерального штаба. Многие предпочитали поступать в Артиллерийскую, Инженерную или Военно-юридическую академии, ибо там была возможность получить и гражданскую профессию, тогда как академия Генерального штаба такой возможности не предоставляла.

В канун Первой мировой войны нападки на армию в печати продолжались. Как отмечал один из гражданских публицистов, часть изданий не чуждалась «клеветы, инсинуаций и науськиваний». Автор считал, что «с печатным словом надобно быть осторожным и внимательным»³⁶.

Отрицательное отношение к армии со стороны определенных политических сил проявлялось, например, в том, что небольшое повышение денежного содержания офицерскому составу, не увеличивавшегося длительное время, было достигнуто с большим трудом. Вопрос об этом неоднократно поднимался руководством военного ведомства, но решение проблемы встречало противодействие. Например, в Государственной думе против увеличения офицерского жалованья выступали депутаты от трудовиков и социал-демократов, которых активно поддерживала либеральная пресса. В числе причин, в силу которых они призывали не повышать содержание офицерам, называлась «антинародная сущность» последних, а также сама военная служба, якобы являвшаяся «сплошным праздником»³⁷. В 1912 году обсуждение сметы военного министерства в стенах Государственной Думы ознаменовалось резкими нападками на армию.

Что касается самих офицеров, то, несмотря на непростую общественно-политическую ситуацию, в их среде сохранялась морально-психологическая атмосфера, основанная на специфической воинской этике. Рассуждая на тему долга перед Отечеством, один из военных публицистов писал: «Сознаю, что я могу быть понятым только в военной и офицерской среде...»³⁸. Случайные элементы, попадавшие в офицерскую среду, уходили из армии. Те же, кто, вне зависимости от социального происхождения, считали военную службу своим призванием и готовы были служить России, оставались, составляя костяк корпуса офицеров.

В начале мировой войны отношение к офицерству несколько «потеплело», хотя, как писал один из офицеров, «... симпатии публики находятся гораздо больше на стороне нижних чинов, чем офицеров. Стоит <...> остановить нижнего чина <...> позволившего себе какой-либо антидисциплинарный поступок, как публика немедленно берет якобы обиженного страдальца под свою защиту»³⁹. Подобная «гуманность» подрывала дисциплину, разлагала армию, наносила серьезный ущерб авторитету офицеров.

С февраля 1917 г. отношение к офицерству в образованных кругах общества стало меняться; после Октябрьской революции многие полностью пересмотрели

³⁵ Мобилизационный отдел главного управления Генерального штаба 1914, 60–61.

³⁶ Беломор 1911, 149.

³⁷ Колбе 1907, 772–773.

³⁸ Райковский 1908, 4.

³⁹ Разведчик 1916, 10.

свои взгляды. Свидетельств тому существует множество, но упомянем лишь одно, символичное. В декабре 1917 г. была опубликована статья известного прозаика П. Арзубьева, которую перепечатал «Разведчик». В частности, в ней говорилось: «Хочется сказать офицерам только одно: если можете, простите нас. Простите нас всех – мужчин и женщин, молодых и старых, все русское образованное общество, всю русскую интеллигенцию. Мы недостаточно ценили вас, мы не умели надлежащим образом защищать вас, ваши права, ваше положение в армии. Теперь мы видим тяжкие последствия нашей непредусмотрительности, но слишком поздно. Приходится теперь пить чашу до дна, и вам – невинным, и нам – виноватым»⁴⁰.

Заключение

В ноябре – декабре 1917 г. был принят ряд законодательных актов, в которых определялись меры по демобилизации Русской армии и созданию новых вооруженных сил, на добровольных началах. Вводилась выборность командного состава, при этом офицеров, отстраненных от должности и не выбранных на другой пост, смещали на должности рядовых. Если их возраст превышал максимальный призывной (39 лет), они могли уходить в отставку – на общих с солдатами основаниях. Вместе с тем бывшие генералы и офицеры, не достигшие предельного возраста, должны были подвергнуться медицинскому освидетельствованию на установленных для солдат основаниях. Если их признавали годными к службе, то предписывалось переводить в другие части и рядовыми отправлять на фронт⁴¹. Уволенные офицеры, как и те, кто был уволен ранее, пенсии по выслуге лет не получали; потерявшие трудоспособность поступали в ведение органов государственного призрения⁴².

В завершение необходимо отметить, что смена государственного строя в России в первое время не изменила отношения к военной службе. К весне 1918 г. в ряды Красной Армии записалось лишь около 70 тыс. добровольцев (примерно 1% личного состава, находившегося в действующей армии осенью 1917 года)⁴³.

Этого было совершенно недостаточно для решения стоявших перед РККА задач, что вскоре побудило советскую власть отменить добровольческий принцип комплектования вооруженных сил и установить всеобщую воинскую повинность. Постепенно, по мере укрепления нового государственного строя и эволюции советского общества, ситуация с отношением к военной службе изменилась в лучшую сторону.

ЛИТЕРАТУРА

- А. А. Н. 1906: Солдат и «свободы». *Вестник русской конницы* 8, 335–337.
А. К. 1916: Офицеры и публика. *Разведчик* 1313, 9–10.
Арзубьев, П. 1917: Обзор печати. *Разведчик* 1411–1412, 581–582.
Алексеев, А.В. 2008: *Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX–начала XX веков: историко-конфессиональный (православный) взгляд*. М.

⁴⁰ Арзубьев 1917, 582.

⁴¹ Кавтарадзе 1988, 40.

⁴² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 2. Д. 213. Л. 223.

⁴³ Базанов 2014, 334.

- Базанов, С.Н. 2014: *Великая война: как погибала Русская армия*. М.
- Безгин, В.Б. 2004: *Крестьянская повседневность (традиции конца XIX–начала XX века)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php
- Беломор, А. 1911: Обзор печати. *Разведчик* 1062, 149.
- Березовский, В.А. (ред.): Мысли по поводу пережитого. *Разведчик* 783–784, 805–810.
- Варяжский, К. 1913: Язык цифр. *Разведчик* 1182, 385–387.
- Вишняков, Н. 1911: Пять лет военной публицистики. В сб. В.Ф. Новицкий (ред.), *Помни войну!* М., 61–78.
- Военное министерство 1904: *Всеподданнейший отчет военного министерства за 1902 год*. СПб.
- Военное министерство 1909: *Всеподданнейший отчет военного министерства за 1907 год*. СПб.
- Военное министерство 1912: *Всеподданнейший отчет военного министерства за 1910 год*. СПб.
- Военное министерство 1916: *Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1912 год*. Петроград.
- Волков, С.В. 1993: *Русский офицерский корпус*. М.
- Волков, С.В. 2002: Русское офицерство как историко-культурный феномен. В сб. Е.С. Сенявская (ред.), *Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития*. М., 165–181.
- Врангель, Н.Е. 2006: Воспоминания: от крепостного права до большевиков. В кн.: В.А. Благоев, С.А. Сапожникова (ред.), *Бароны Врангели. Воспоминания*. М., 29–258.
- Галкин, М. 1907: *Новый путь современного офицера*. СПб.
- Грулев, М. 1911: *Злобы дня в жизни армии*. Брест-Литовск.
- Деникин, А.И. 1921. *Очерки русской смуты*. Т.1. *Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.)*. Вып.1. Париж.
- Деникин, А.И. 1991: *Путь русского офицера*. М.
- Зайончковский, П.А. 1981: Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной. *Вопросы истории* 4, 21–29.
- Изгоев, П.И. (ред.) 1908: Передовая статья. *Офицерская жизнь* 102, 19.
- Изгоев, А.С. 1909–1910: Об интеллигентной молодежи (заметки об ее быте и настроении). В сб. Н. Казаков (сост.), *Вехи. Интеллигенция в России*. М., 185–208.
- Кавтарадзе, А.Г. 1988: *Военные специалисты на службе Республики Советов*. 1917–1920 гг. М.
- Кирьянов, Ю.И. 1997: Менталитет рабочих России на рубеже XIX – XX в. В сб. С.И. Потолов (ред.), *Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917 г.* СПб., 55–76.
- Колбе, С. 1907: Прибавка содержания офицерам и г. Меньшиков. *Разведчик* 896, 772–774.
- Макаров, Ю.В. 1951: *Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война*. Буэнос-Айрес.
- Мартынов, Е. 1903: Защита армии от оскорблений. *Разведчик* 681, 972–973.
- Мартынов, Е. И. 1906: *Из печального опыта русско-японской войны*. СПб.
- Морозов, С.Д. 1998: Военное образование в России на рубеже XIX–XX вв. *Военно-исторический журнал* 5, 83–91.
- Мобилизационный отдел главного управления Генерального штаба 1911: *Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год*. СПб.
- Мобилизационный отдел главного управления Генерального штаба 1914: *Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год*. СПб.
- Н. 1905: Война с Японией (итоги). *Разведчик* 783–784, 815–817.

- Райковский, В. 1908: *Военное воспитание*. М.
 Суряев, В.Н. 2014: Уровень жизни армейского офицерства Русской императорской армии в 1905–1914 гг. *Военно-исторический журнал* 10, 52–56.

REFERENCES

- A. A. N. 1906: Soldat i «svobody» [Soldier and «Freedom»]. *Vestnik russkoy konnicy* [*Herald of the Russian Cavalry*] 8, 335–337.
 A. K. 1916: Oficery i publika [Officers and Public]. *Razvedchik* [*Scout*] 1313, 9–10.
 Arzub'ev, P. 1917: Obzor pechati [Press Review]. *Razvedchik* [*Scout*] 1411–1412, 581–582.
 Alekseev, A.V. 2008: *Duhovno-nravstvennoe sostoyanie russkogo obshchestva konca XIX–nachala XX vekov: istoriko-konfessional'nyy (pravoslavnyy) vzglyad* [*Spiritual and Moral State of Russian Society at the End of the Nineteenth and Beginning of the Twentieth Centuries: the Historical-Confessional (orthodox) View*]. Moscow.
 Bazanov, S.N. 2014: *Velikaya voyna: kak pogibala Russkaya armiya* [*The Great War: How the Russian Army Perished*]. Moscow.
 Belomor, A. 1911: Obzor pechati [Press Review]. *Razvedchik* [*Scout*] 1062, 149.
 Berezovskij, V.A. (red.): Mysli po povodu perezhitogo [Thoughts about the Experience]. *Razvedchik* [*Scout*] 783–784, 805–810.
 Bezgin, V.B. 2004: *Krest'yanskaya povsednevnost' (tradicii konca XIX–nachala XX veka)* [*Peasant Everyday Life (Traditions of the Late XIX – Early XX Century)*], http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg/06.php
 Denikin, A.I. 1921. *Ocherki russkoy smuty*. T.1. *Krushenie vlasti i armii (fevral'–sentjabr' 1917 g.)*. Vyp.1 [Essays on the Russian Troubles. Vol. 1. *The Collapse of Power and the Army (February-September 1917)*. Issue 1]. Paris.
 Denikin, A.I. 1991: *Put' russkogo oficera* [*The Way of the Russian Officer*]. Moscow.
 Galkin, M. 1907: *Novyy put' sovremennogo oficera* [*New Way of a Modern Officer*]. Saint-Petersburg.
 Grulev, M. 1911: *Zloby dnya v zhizni armii* [*The Evil of the Day in the Life of the Army*]. Brest-Litovsk.
 Izmet'ev, P.I. (red.) 1908: Peredovaja stat'ya [Editorial]. *Oficerskaya zhizn'* [*Officer's Life*] 102, 19.
 Izgoev, A.S. 1909–1910: Ob intelligentnoy molodezhi (zametki ob ee byte i nastroeniyah). In: N. Kazakova (ed.), *Vehi. Intelligenciya v Rossii* [*Milestones. Intellectuals in Russia*]. Moscow, 185–208.
 Kavtaradze, A.G. 1988: *Voennyye specialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov. 1917–1920 gg.* [*Military Specialists in the Service of the Republic of Soviets. 1917–1920*]. Moscow.
 Kolbe, S. 1907: Pribavka sodержaniya oficeram i g. Men'shikov [Addition of Maintenance Officers and Mr. Menshikov]. *Razvedchik* [*Scout*] 896, 772–774.
 Kir'yanov, Ju.I. 1997: Mentalitet rabochih Rossii na rubezhe XIX – XX v. In: S.I. Potolov (ed.), *Rabochie i intelligenciya Rossii v yepohu reform i revoljuciy. 1861–fevral' 1917 g.* [*The Workers and Intelligentsia of Russia in the Era of Reforms and Revolutions. 1861–February 1917*]. Saint-Petersburg, 55–76.
 Makarov, Ju.V. 1951: *Moya sluzhba v Staroy Gvardii. 1905–1917. Mirnoe vremya i voyna* [*My service in the Old Guard. 1905-1917. Peaceful Time and War*]. Bujenos-Ajres.
 Martynov, E.I. 1903: Zashhita armii ot oskorbleniy [Protection of the Army from Insults]. *Razvedchik* [*Scout*] 681, 972–973.
 Martynov, E.I. 1906: *Iz pechal'nogo opyta russko-yaponskoj voyny* [*From the Sad Experience of the Russo-Japanese War*]. Saint-Petersburg.

- Morozov, S.D. 1998: *Военное образование в России на рубеже XIX – XX вв.* [Military Education in Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Военно-исторический журнал [Military History Magazine]* 5, 83–91.
- Mobilizacionnyy otdel glavnogo upravleniya General'nogo shtaba 1911: In: *Военно-статистический ежегодник армии за 1910 год [Military Statistical Yearbook of the Army for 1910]*. Saint-Petersburg.
- Mobilizacionnyy otdel glavnogo upravleniya General'nogo shtaba 1914: In: *Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год [Military Statistical Yearbook of the Army for 1912]*. Saint-Petersburg.
- N. 1905: *Voyna s Japoniey (itogi)* [War with Japan (results)]. *Razvedchik [Scout]* 783–784, 8–817.
- Raykovskiy, V. 1908: *Военное воспитание [Military Education]*. Moscow.
- Suryaev, V.N. 2014: *Uroven' zhizni armeyskogo oficerstva Russkoy imperatorskoy armii v 1905–1914 gg.* [The Standard of Living of the Army Officers of the Russian Imperial Army in 1905 – 1914]. *Военно-исторический журнал [Military History Magazine]* 10, 52–56.
- Varjazhskiy, K. 1913: *Jazyk cifr [Digits language]*. *Razvedchik [Scout]* 1182, 385–387.
- Vishnyakov, N. 1911: *Pyat' let voennoy publicistiki [Five Years of Military Journalism]*. In: V.F. Novitsky (ed.), *Pomni voynu! [Remember the War!]*. Moscow, 61–78.
- Военное министерство 1904: *Vsepoddanneyshey otchet voennogo ministerstva za 1902 god [The Most Outstanding Report of the War Ministry for 1902]*. Saint-Petersburg.
- Военное министерство 1909: *Vsepoddanneyshey otchet voennogo ministerstva za 1907 god [The most Outstanding Report of the War Ministry for 1907]*. Saint-Petersburg.
- Военное министерство 1912: *Vsepoddanneyshey otchet voennogo ministerstva za 1910 god [The most Outstanding Report of the War Ministry for 1910]*. Saint-Petersburg.
- Военное министерство 1916: *Vsepoddanneyshey otchet Voennogo ministerstva za 1912 god [The most Outstanding Report of the War Ministry for 1912]*. Petrograd.
- Volkov, S.V. 1993: *Russkiy oficerskiy korpus [Russian Officer Corps]*. Moscow.
- Volkov, S.V. 2002: *Russkoe oficerstvo kak istoriko-kul'turnyy fenomen*. In: E.S. Senjavskaja (ed.), *Военно-историческая антропология. Предмет, задачи, перспективы развития [Military-Historical Anthropology. Subject, Tasks, Development Prospects]*. Moscow, 165–181.
- Vrangel', N.E. 2006: *Vospominaniya: ot krepostnogo prava do bol'shevikov*. In: V.A. Blagovo, S.A. Sapozhnikova (ed.), *Barony Vrangeli. Vospominaniya [The Barons of Wrangel. Memoirs]*. Moscow, 29–258.
- Zayonchkovskiy, P.A. 1981: *Oficerskiy korpus russkoy armii pered pervoy mirovoy voynoy [The Officer Corps of the Russian Army before the First World War]*. *Voprosy istorii [Questions of History]* 4, 21–29.

MILITARY SERVICE IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE EARLY 20th CENTURY

Valery N. Suryaev

Research Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus, Belarus,
sverbihin7@mail.ru

Abstract. The article examines the attitude of citizens to the army service in the last years of the Russian Empire. It is noted that under the influence of the social and political processes taking place in the country, the mentality of the people and the moral and psychological situation in society underwent changes that are characterized as rather contradictory. The factors that

contributed to the growth of nihilistic sentiments and the complication of the situation in the country are indicated. One of the consequences of this phenomenon was the negative attitude of the majority of the people towards the army, as a social institution of the state. The influence of public sentiments on the attitude of conscripts to the service, the fulfillment by soldiers of their duties, the increase in the number of violations of military discipline, the main motives for violations in the troops are examined. The reasons for the decrease in the prestige of the officer's profession and the shortage of officers in the troops in peacetime are considered. It is noted that in the educated strata of society there is a negative attitude not only to the officer service, but also to the officers themselves; in many respects this circumstance was determined by the internal function of the army, which was the most powerful pillar of the existing state system. It is shown that the cadre officers, as a special social and professional community, in the conditions of internal political cataclysms in the country held different views from the politically active segments of the population.

Key words: Society, army, political situation, spiritual and moral atmosphere, military service, officers, soldiers
